УДК 37.064.2

С. А. Сурдушкина,
факультет филологии, истории и права,
Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре
Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Н. А. Седельникова

Эволюция наказаний в русской школе: от розг до закона об образовании

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу эволюции системы наказаний в российской школе от XIX в. до современности. На основе архивных материалов, нормативно-правовых актов и современного законодательства рассматривается трансформация дисциплинарных практик: от легализованных телесных наказаний и карцера до идеологического давления в советский период и признания прав ребенка в современном мире.

Ключевые слова: эволюция наказаний, русская школа, телесные наказания, кондуитные списки, карцер, права ребенка, Федеральный закон «Об образовании», локальные акты учебных заведений, история педагогики.

Эволюция наказаний в школе представляет собой одно из наиболее ярких зеркал, отражающих изменение общественных представлений о детстве, воспитании, человеческом достоинстве и границах допустимого педагогического воздействия. Для педагогического университета обращение к данной теме имеет не только академическое, но и профессионально-мировоззренческое значение: сегодняшний студент — завтрашний учитель — должен осознавать, какой путь прошла школа от легализованного насилия до признания прав ребенка [7, с. 45]. Проблематика исследования охватывает период с середины XIX в. до современности, с особым вниманием к локальным нормативным актам учебных заведений [5, с. 112].

Правовой режим дисциплинарной ответственности учеников в Российской империи XIX в. был детально регламентирован на уровне как общероссийских уставов, так и локальных правил отдельных учебных заведений. Базовым документом выступили «Правила для учеников гимназий и прогимназий», утвержденные министром народного просвещения 4 мая 1874 г. Данный акт устанавливал развернутую систему взысканий: от замечания и выговора до карцера и исключения с «волчьим билетом» [2, § 38–42]. Особого внимания заслуживает институт карцера. Согласно § 41 «Правил» 1874 г., карцер представлял собой заключение на хлеб и воду на срок от часа до суток и рассматривался как законная мера воспитательного воздействия [2, § 41]. Однако, как показывает анализ локальной практики, не все учебные заведения применяли эту крайнюю меру. В Ростовской мужской гимназии имени А. Л. Кекина, руководствуясь гуманистическими установками, карцер как вид наказания отсутствовал. Педагоги гимназии считали, что «наказание — лишь неизбежное зло», а одними «запретительно-карательными мерами» решить вопрос о поведении учащихся не представляется возможным [1]. Телесные наказания на общероссийском уровне также оставались юридически узаконенными. Данные статистики впечатляют: в 1857–1859 гг. в гимназиях Киевского учебного округа каждый 7-й ученик подвергался порке, а в житомирской гимназии в 1858 г. выпороли 220 из 600 учащихся — почти половину [3, с. 14].

Наиболее ценным источником для реконструкции реальной дисциплинарной практики являются не только общие уставы, но и локальные акты конкретных школ — прежде всего кондуитные списки. В Российской империи кондуиты применялись в гимназиях, духовных учебных заведениях и кадетских корпусах для фиксации всех значимых проступков учащихся [1]. Записи из кондуитных списков этой гимназии демонстрируют широкий спектр проступков и соответствующих им взысканий: от удаления с урока за «старание изобразить из себя шута» до выговора директора за передачу чужого билета с целью обмана проверяющего. Зафиксированы также оставление в гимназии на праздничный час, лишение права отлучки домой на перемене и даже исключение за «полное

© Сурдушкина С. А., 2026

игнорирование занятиями и распорядками гимназической жизни» [1]. Обращает на себя внимание тотальный характер контроля: под надзор попадало не только поведение в школе, но и на улице. Согласно пункту 19 «Правил» 1874 г., существовало 19 степеней нарушений, а крайней мерой являлось исключение без права поступления в какое-либо учебное заведение — так называемый «волчий билет», фактически лишавший молодого человека будущего [2, § 19].

Знаковым событием в истории русской педагогики стал Устав гимназий и прогимназий 1864 г., который официально провозгласил отмену телесных наказаний [5, с. 87]. Однако, как справедливо отмечал историк педагогики П. Ф. Каптерев, сама мысль о том, что детей нельзя бить, вызывала сопротивление. Когда в России обсуждали проект нового устава, иностранные ученые, привлеченные к экспертизе, «почти ужасались отменой телесных наказаний учащихся и убеждали отказаться от этого, ссылаясь на Библию» [4, с. 87]. На практике же розга оставалась. Исследователь Д. Н. Жбанков в работе 1905 г. приводит шокирующие факты: в Бежецке надзирательница высекла 11-летнего воспитанника в присутствии других детей; в Юрьеве учитель рвал ученикам уши до крови [3, с. 22]. Таким образом, правовой запрет 1864 г. и реальная педагогическая практика расходились.

После революции 1917 г. советская власть декретами официально запретила телесные наказания. Однако система наказаний как таковая не исчезла — она трансформировалась. Вместо розги и карцера появились новые формы воздействия: публичное порицание на комсомольском собрании, запись в «красную доску» позора, исключение из пионеров, вызов родителей на партийное собрание [5, с. 92]. Репрессивная система сохранилась, но изменила форму: физическое принуждение уступило место идеологическому давлению. Как отмечают исследователи, в советский период дисциплина поддерживалась уже не физической силой учителя, а страхом публичного осуждения и исключения из коллектива [4, с. 112].

Кардинальные изменения происходят в постсоветский период, особенно после принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. Современное право принципиально меняет статус ученика: из объекта принуждения он превращается в субъекта права. Пункт 2 ч. 6 ст. 28 закона «Об образовании…» обязывает образовательную организацию создавать безопасные условия обучения, обеспечивающие жизнь и здоровье детей [6, ст. 28]. Пункт 9 ч. 1 ст. 34 закрепляет академическое право обучающегося на охрану жизни и здоровья [6, ст. 34]. Это означает, что сегодня любое физическое наказание в школе — это не «воспитательная мера», а уголовно наказуемое деяние. В современном законе слово «розга» даже не упоминается — потому что сама идея телесного наказания немыслима в правовом поле, где высшей ценностью признаны права и достоинство ребенка.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод, что эволюция наказаний в русской школе прошла три основных этапа: легализованное физическое насилие и карцер (XIX в. — 1917 г.), идеологическое давление и публичное порицание (советский период), признание прав ребенка и законодательный запрет любых форм насилия (современность). От документа 1811 г. — первого циркуляра министра просвещения «О ненаказывании телесно учеников» — до Федерального закона № 273-ФЗ российская школа прошла долгий путь.

1. *Косарева О. Н.* Из истории Ростовской мужской гимназии имени А. Л. Кекина. Система наказаний в гимназии // Государственный архив Ярославской области : [сайт] . — 2021. — 22 марта. — URL: https://www.yararchive.ru/publications/details/634/ (дата обращения: 16.04.2026).

2. Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (утв. министром народного просвещения 4 мая 1874 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1875. — Т. 4.

3. *Жбанков Д. Н.* О телесных наказаниях в начальных школах (по данным анкеты). — СПб. : П. П. Сойкина, 1905 . — 38 с.

4. Каптерев П. Ф. История русской педагогики. — Петроград : В. Безобразова и Ко, 1915. — 746 с.

5. *Коротов В. М.* Воспитательные аспекты педагогической деятельности. — М. : Просвещение, 2008. — 192 с.

6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53. — Ст. 7598.

7. *Шацкий С. Т.* Избранные педагогические сочинения : в 2 т. — М. : Педагогика, 1980. — Т. 2. — 416 с.